

Михайлова О. А. Речевой конфликт в семейном общении / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 50—62. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-50-62.

Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Yu. N. (2018). Speech Conflict in Family Communication. *Nauchnyy dialog, 11*: 50-62. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-50-62. (In Russ.).

УДК 81-25+81'42:392.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-50-62

Речевой конфликт в семейном общении¹

© **Михайлова Ольга Алексеевна (2018)**, orcid.org/0000-0002-2386-7411, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия), oamih@yandex.ru.

© **Михайлова Юлия Николаевна (2018)**, orcid.org/0000-0002-5361-567X, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия), jmikailova@yandex.ru.

Исследование выполнено в русле актуальных научных направлений — речевой конфликтологии и лингвоаксиологии. Статья посвящена лингвистическому описанию конфликтных ситуаций в семейном общении на материале художественного фильма «Неадекватные люди» (режиссер Роман Каримов). Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения коммуникации в малых социальных группах (в частности, в семье), так как здесь наблюдается высокий уровень эмоциональности и интенсивности общения, и это нередко становится конфликтогенным фактором. Проанализированы текстовые фрагменты, представляющие собой речевые конфликты между подростком и взрослыми родственниками. Выявлены маркеры деструктивного общения и речевой агрессии в коммуникативном поведении взрослых (негативно заряженные языковые средства и некооперативные речеповеденческие тактики осуждения, угрозы, принуждения и др.) и подростка (повышенный тон, оскорбления, грубое требование, дисгармонизирующая стратегия дискредитации, тактика «хамство» и под.). Особое внимание уделяется имплицитной речевой агрессии, которая воплощается в иронии, сарказме, косвенных вопросах. Отмечается, что используя такие приемы, коммуникант выражает негативное или критическое отношение к адресату. Указывается, что межпоколенческий конфликт выражается

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

в деформации межличностного общения, в сбое механизмов понимания между родителями и детьми, в разногласиях, касающихся морально-ценностных ориентиров.

Ключевые слова: речевая конфликтология; речевая агрессия; семейная коммуникация; языковые маркеры конфликтного поведения; имплицитная агрессия.

1. Вводные замечания

Внимание современных гуманитарных наук сфокусировано на повседневности, в том числе и на обыденной коммуникации. Одним из главных направлений антропоцентрической лингвистики является всестороннее исследование реального общения людей в разных сферах и разных социальных группах. В работе Л. П. Крысина была обоснована необходимость лингвистического изучения коммуникации в малых социальных группах, к числу которых относится семья [Крысин, 1989]. Именно в семье начинается социализация личности и формируется «отношение человека к жизни и людям, происходит усвоение им основных нравственных норм» [Там же, с. 79]. Семья является естественным источником создания механизмов коммуникативного взаимодействия. В современной русистике накоплен немалый опыт описания языкового существования семьи, семейного языка и семейной коммуникации [Байкулова, 2006; Занадворова, 2001; Капанадзе, 1989; Кукушкина, 1989; Рытникова, 1996 и др.]. Межличностное взаимодействие в семье исследуется в работах зарубежных ученых [Blum-Kulka, 1990; Vuchinich, 1990].

Семейные роли (мужа и жены, детей, брата или сестры и др.) обуславливают большую свободу в проявлении эмоций и сниженный контроль собственной речи, поэтому семейный дискурс отличается высокой эмоциональностью и интенсивностью общения, что нередко становится конфликтогенным фактором коммуникации.

Семейные конфликты стали широко распространенным явлением, что доказано результатами социологических опросов [Вдовина, 2009]. В семьях случаются конфликты различной интенсивности с разнообразными формами противоборства и разнообразием приемов и способов их разрешения. Субъектами семейного конфликта могут выступать супруг и супруга, родители и дети, внуки и старшее поколение и др. Чаще всего конфликтующими сторонами являются родители и дети (41 %) [Там же, с. 102].

Выстраивание взаимоотношений с родителями — это основная проблема, возникающая у подростков. Именно в подростковый период между родителями и детьми обостряются поколенческие (генерационные) конфликты, из-за того что родители в большинстве семей не учитывают возрастных особенностей детей, не желают считаться с их интересами, продолжают чрезмерно опекать и контролировать все их действия. Подростки

же начинают вести себя вызывающе, бунт и речевая агрессия порой становятся для ребенка основным способом взаимодействия с окружающим его взрослым миром.

Цель данной статьи — анализ семейного конфликта взрослых и подростка; выявление используемых коммуникантами средств и способов речевой агрессии. Методика описания коммуникативного поведения в конфликтной ситуации основана на используемых в прагматике терминах стратегии и тактики [Борисова, 2001; Иссерс, 2008 и др.].

Семья и семейные отношения — наиболее закрытая от посторонних глаз сфера жизнедеятельности людей, тем более не принято выносить на люди ссоры и скандалы. Однако конфликты подростков и родителей, будучи обычным явлением, получили отражение в художественных произведениях, фильмах, спектаклях. В качестве материала для анализа нами был выбран художественный фильм «Неадекватные люди» (2010) российского режиссера Романа Каримова. Героиня фильма — Кристина, неуравновешенная школьница-бунтарка с кризисом переходного возраста, которая шумит по ночам, курит и постоянно ругается с матерью. В ходе проведенного исследования нами были проанализированы текстовые фрагменты, представляющие собой речевые конфликты между Кристиной и другими членами семьи. «Речевой конфликт — неадекватное взаимодействие в коммуникации субъекта речи и адресата, связанное с реализацией языковых знаков и восприятием их, в результате чего речевое общение строится не на основе принципа сотрудничества, а на основе противоборства» [Третьякова, 2002, с. 53].

2. Маркеры конфликтного коммуникативного акта

Подлинные причины межпоколенного конфликта не всегда легко обнаружить, так как они могут быть вытеснены из сознания, но именно неприятие подростком жизненного опыта родственников старшего поколения порождает противостояние между родителями и детьми, является основой фрустрации, ситуации риска. Возраст обнажает ментально-ценностные различия людей разных поколений.

Подобную ситуацию демонстрирует представленная в фильме семья. Кристина считает, что взрослые ограничивают ее свободу, не доверяют ей, навязывают собственные правила поведения. Мать Кристины из-за девиантного поведения дочери полагает, что та попала в нехорошую компанию, употребляет наркотики, и поэтому она постоянно контролирует дочь. Вследствие этого в отношениях Кристины с матерью присутствует постоянная напряженность, которая выдает существующий скрытый конфликт,

и потому каждый их диалог превращается в конфликтный коммуникативный акт — «речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами» [Седов].

Рассмотрим один из фрагментов общения матери и дочери, в котором представлен открытый коммуникативный конфликт.

Диалог 1. Ситуативный контекст: мать перед своим отъездом дает наставления Кристине.

М. *Слушай / если будешь вечером кого-нибудь приглашать / ты проверь / чтобы водка не оказалась для беременных / а то / ну понимаешь / вечером выпиваешь / утром просыпаешься уже беременная / ну или че вы там употребляете?...*

К. (кричит) *Мам / ты запарила уже / не проецируй свои комплексы на меня / если у тебя в молодости крышу сносило / это не значит что я буду себя так же вести /*

М. *Вот все этим и закончится /*

К. *Хватит меня ограничивать / ты дождешься / я ведь специально употреблять начну /*

М. *Если тебе нечего скрывать / че ты ерпенишься тогда?*

К. *Я не ерпенюсь / просто доводишь своими дебильными наставлениями / как будто я ребенок какой-то /*

М. *Поживи сначала с мое / потом...*

К. *Да ты заткнешься уже или нет?*

В данном фрагменте мать занимает позицию «родителя» [Берн, 1988, с. 16—30]. Осуществляя контроль, она демонстрирует свой более высокий ролевой статус по отношению к дочери и вторгается в личностную сферу Кристины, тем самым обостряя напряженность в отношениях и провоцируя конфликт. Уже в первой реплике матери чувствуется коммуникативная заданность отрицательной модальности (отсутствие прямого обращения — *слушай*; издевательский тон, придающий высказыванию оттенок резкости). Мать использует в речи тактику требования (императив *проверь*; псевдоимператив *поживи с мое*), косвенно выраженный упрек (*Если тебе нечего скрывать / че ты ерпенишься тогда?*), тактику угрозы (*Вот все этим и закончится*). Речевое поведение матери можно расценивать как речевую агрессию, поскольку оно вызывает «негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов, 2005, с. 33]. Деструктивное поведение матери обусловлено ее психологическим состоянием перманентной вражды, и она демонстрирует агрессивное речевое поведение, чтобы добиться от дочери подчинения.

Ответная реакция дочери строится, по Э. Берну, не с ожидаемой позиции «ребенка», а от «взрослого» к «взрослому» и демонстрирует лавинообразное развитие конфликта. Кристина реализует открытую сильную вербальную агрессию: переходит на повышенный тон (*кричит*), использует сниженную лексику (*запарила; крышу сносило; дебилные наставления*), императивы (*не проецируй свои комплексы на меня*); тактику угрозы (*ты дождешься / я ведь специально употреблять начну*); грубое требование (*Да ты заткнешься уже или нет?; Хватит меня ограничивать!*), которое выражается в форме побудительного по цели высказывания и восклицательного по интонации предложения, и, по мнению Ю. В. Щербининой, осложняется следующими факторами: «1. Особая неприемлемая, обидная для адресата форма требования; 2. Повышенный, грубый, резкий тон высказывания... 4. Не соответствующий содержанию требования возраст говорящего» [Щербинина, 2004, с. 79—80].

В данной семье все взрослые в общении с подростком предпочитают использовать коммуникативные тактики поучения и осуждения, не учитывая «личностную нестабильность» [Огородник и др., 2016] этого возраста, а тинейджер протестует против взрослых. Такие отношения создают напряженные ситуации в семье.

Рассмотрим еще один фрагмент из фильма, в котором представлен открытый конфликт подростка с взрослыми членами семьи.

Диалог 2. Ситуативный контекст: общение родственников за ужином.

К. — Кристина; М. — ее мать; Д. — дядя Кристины; Т. — жена Д., тетьа Кристины; Б. — бабушка Кристины; П. — Полина, девочка 4—5 лет, дочь Д. и Т.; Полина ведет себя за столом шумно, стучит ложкой.

М. *Кристина / ребенка в покое оставь //*

К. *Кушай давай /*

Д. *Хоть бы хны...*

<...>

М. *Я сказала / не дразни ребенка / непонятно что ль сказала?*

К. *Я не дразню ребенка / вы посмотрите / этот ребенок родился в неблагоприятной семье / чё вы от него хотите-то?*

Т. *Чего ты сказала? Ты бы за собой посмотрела / когда мы ее к вам привозим / она каждый раз от тебя набирается / ну скажи ей //*

Д. *Угу //*

Т. *А потом материт воспитателей в саду / почем зря / они мне потом высказывают / позориться мне //*

К. *А как вам такая идея / не привозите ее сюда //*

- Т. Да ты похами мне еще //
- К. Такой вариант не рассматривался?
- Т. Не рассматривался //
- К. И вот за старухой тоже можно самим смотреть //
- М. Она твоя бабушка / ты как разговариваешь вообще / по губам давно не получала?
- К. Даже если она чё-то слышит / у нее все равно маразм //
- Б. Чего?
- М. Кристина!
- Д. Кристина! / Здесь кто-то лишний за столом по-моему! / Нет?
- Б. Я согласна / ты про кого говоришь сейчас?
- Д. Бабуль / ну про кого я могу говорить?
- Б. Ааа (указывает пальцем на Кристину)
- М. Так Кристина / выйди из-за стола!
- К. А можно поинтересоваться / что вас так конкретно не устраивает?
- Д. Ты посмотри / ведь на открытый конфликт идет // Все не нравится / то / как ты одеваешься / то / как ты выглядишь / посмотри на свою одежду / на кого ты похожа!
- К. Я могу одеться так / что тебя вообще вырвет //
- Д. А я могу раздеться / и тебя вырвет //
- К. Я тебя за язык не тянула //
- М. Все / Кристина / Выйди из-за стола //
- Д. Как с гуся вода / ты посмотри а //
- К. Почему это? / Я такой же полноправный член семьи / как и все / у меня может быть собственное достоинство есть //
- М. Либо молчи / либо уходи //
- Д. Погоди / тут кто-то про достоинство говорит / а бабушку называть 80-летнюю старухой это нормально? / а девочку учить нехорошим словам это как?
- К. А это очень просто //
- М. (перебивая) Кристина!
- К. Могу научить / Господи / Как вы меня все затрахали а //
- М. Спасибо тебе дочь / за этот безграничный позор / который ты нам подарила //
- К. Была рада служить!
- М. Я думаю / тебе надо пойти погулять //
- Т. Даже не произноси имя господи своим грязным ртом!
- К. А у тебя что / на него эксклюзивные права?

Т. *Тихо я тебе говорю!*

М. *Возраст // переходный // затягивается //*

Д. *Сумасшедшая / ей Богу //*

Данный фрагмент отражает «в знаковых (вербальных и невербальных) формах типические ситуации бытовых социально-психологических конфликтов» [Седов, 2007, с. 259], то есть межличностная коммуникация членов семьи представляет собой ссору [Федосюк, 1993], в которой обнажаются несовпадающие желания, интересы, ценности коммуникантов.

Поведение Кристины, дразнящей маленькую племянницу, вызывает неодобрение взрослых родственников. Мать делает ей замечание (*ребенка в покое оставь*), которое дочь игнорирует (об этом свидетельствует реплика дяди — *хоть бы хны*). Повторное замечание матери в форме приказа с вопросом-упреком (*не дразни ребенка / непонятно что ль сказала?*) является тактикой принуждения дочери к подчинению.

Кристина же не видит в своем поведении ничего предосудительного, потому что ребенок (П.) балуется за столом сам по себе. Она пытается оправдаться, утверждая свою невиновность, но использует при этом дисгармонизирующую стратегию дискредитации, давая отрицательную оценку семье (*неблагополучная семья*). Тем самым она провоцирует у родственников ответную негативную эмоциональную и речеповеденческую реакцию, и конфликт разгорается. Обе противостоящие стороны (Кристина, с одной стороны, и все родственники, с другой) используют разнообразные средства, которые являются маркерами деструктивного общения.

Так, взрослые прибегают к тактикам упрека и обвинения (*Ты бы за собой посмотрела / когда мы ее к вам привозим / она каждый раз от тебя набирается; Ты как разговариваешь вообще; Все не нравится / то / как ты одеваешься / то / как ты выглядишь / посмотри на свою одежду / на кого ты похожа!*), которые связаны с принципом социального неравенства. Отрицательный воздействующий эффект реплик усиливается тем, что взрослые оценивают не конкретный поступок и его результат, а личность человека, они не фиксируют ситуацию в настоящем времени, а обращаются к прошлому (*каждый раз; вообще; всё*).

Типична для взрослых родственников в общении с Кристиной тактика принуждения, которая выражается в форме грубого приказа (*даже не произноси имя господина своим грязным ртом; выйди из-за стола; либо молчи / либо уходи*) или угрозы (*Чего ты сказала?; по губам давно не получала?; да ты похами мне еще*). Угроза является одним из самых ярких признаков конфликта, поскольку обладает высокой степенью «интенсивности регулирования деятельности» адресата [Третьякова, 2002, с. 175].

Кристина за семейным ужином оказывается в положении изгоя. Возрастные психологические особенности подростка, его обостренное для этого возраста стремление самоутверждения приводят к эпатажному поведению. В ответ на высказывания родственников Кристина не защищается, а переходит в нападение: игнорирует асимметричность статусно-ролевых позиций, не принимает во внимание необходимость вертикальной коммуникативной дистанции. Она переходит к открытым выпадам (*А как вам такая идея / не привозите ее сюда; И вот за старухой тоже можно самим смотреть; А можно поинтересоваться / что вас так конкретно не устраивает?; Я могу одеться так / что тебя вообще вырвет*); вербальным оскорблениям, выступающим «мощнейшим фактором актуализации агрессивного поведения» [Волкова, 2014, с. 183] (*старуха* — номинация бабушки; у нее все равно маразм).

Сложность подросткового возраста объясняется тем, что у тинейджера формируется особая форма самосознания — чувство взрослости, которое проявляется в требовании подростка относиться к нему как взрослому. Подросток пытается отстаивать свои права, оспорить прежние требования, которые предъявляют родители. Не встречая понимания в семье, Кристина в общении со взрослыми использует коммуникативную тактику «хамство» [Там же, с. 212], основными элементами которой «являются коммуникативные приемы прямой и косвенной вербальной агрессии, нацеленной на оскорбление и унижение личности» [Там же, с. 213].

Взрослые родственники порой стараются контролировать себя и уходят от прямых способов вербальной агрессии, однако конфликтность ситуации при этом сохраняется.

3. ИмPLICITная речевая агрессия

В семье межпоколенный конфликт проявляется в различных формах — не только явно, но и скрыто. В языке существует большой арсенал имPLICITных приемов, с помощью которых говорящий может выразить негативное или критическое отношение к адресату. Например, такие фигуры речи, как сарказм и ирония, несут в себе конфликтогенный потенциал. К подобным приемам прибегает мать Кристины. Например, в диалоге 1 ее реплика *чтобы водка была не для беременных* содержит сарказм, в диалоге 2 реплика *Спасибо тебе дочь / за этот безграничный позор / который ты нам подарила* выражает иронию.

Сама Кристина тоже использует неявные средства агрессии. Например, в следующих диалогах ее реплики содержат иронию:

Диалог 3.

М. Ты ж провалишься на экзамене! //

К. Спасибо мам / ты всегда могла меня подбодрить //

Диалог 4.

К. Может мне еще и мужа себе несовершеннолетнего найти?

М. Аа / это у тебя получится / в этом я не сомневаюсь /

В ответной реплике матери (диалог 4) формой выражения имплицитной речевой агрессии является насмешка — «обидная шутка, язвительное замечание, продиктованное стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное, подвергнуть осмеянию, “побольнее уколоть”» [Щербинина, 2004, с. 83].

Взрослые в общении с Кристиной часто используют «агрессивные» вопросительные конструкции. Например: *а бабушку называть 80-летнюю старухой это нормально? / а девочку учить нехорошим словам это как?; Здесь кто-то лишний за столом по-моему! / Нет?* (реплики Д. в диалоге 2); *Что / пол еще недостаточно испортила что ли?; Может работу себе найдешь?* (реплики матери).

Косвенные вопросы как грамматикализованный способ выражения имплицитной агрессии используются, «когда, по мнению говорящего, адресат недостаточно наблюдателен или не сообразителен, не замечает очевидного или же не делает того, что от него требует ситуация» [Апресян, 2003, с. 33].

Скрытый конфликт с использованием коммуникантами имплицитной агрессии представлен в диалоге 5.

Диалог 5. Ситуативный контекст. Мать приходит с работы и застаёт дочь лежащей на диване.

М. А ты когда делом займешься?

К. А я и занимаюсь делом // О...план составляю // Первое — сделать уроки, второе — ...

М. (перебивает) Ты в курсе, что к нам родственники сегодня на ужин приезжают?

К. Третье / заготовить кресты и святую воду //

Вопросительные реплики матери имеют целью упрекнуть дочь в том, что она не помогает готовиться к встрече гостей. Кристина, в свою очередь, использует «издевательский ответ» [Ермакова, 2012, с. 162] с целью задеть мать, поддерживая тем самым деструктивную коммуникацию.

В общении матери и дочери отсутствуют механизмы сдерживания негативных речевых проявлений, их коммуникативное поведение нередко воплощается в эмоционально насыщенной форме, что создает конфликтные ситуации. В анализируемом фильме все диалоги Кристины с матерью

и другими взрослыми родственниками приводят к дисгармонизирующему результату. Хотя кино — это, безусловно, отрефлексированная реальность, оно, тем не менее, отражает типичную для нашего общества ситуацию, когда близкие люди упорно не хотят прислушиваться друг к другу, не уменьшают эмоциональный накал речевого поведения, не пытаются преодолеть коммуникативный дискомфорт.

4. Заключение

Конфликт между родителями и детьми вскрывает рассогласованность в межпоколенческих отношениях, которая выражается в деформации межличностного общения, в сбое механизмов понимания друг друга, в разногласиях в морально-ценностных ориентирах. Межпоколенная семейная ссора обладает большей эмоциональностью и силой воздействия по сравнению с другими межличностными конфликтами, так как затрагивает очень значимые для человека проблемы.

Конфликтогенность общения родственников обусловлена выбором ими негативно заряженных языковых средств и некооперативных речеповеденческих тактик. Проблема поведенческой аксиологии сегодня нуждается в глубоком осмыслении, поскольку гармоничное семейное общение — залог благополучия всего общества, и выявление форм конфликтного поведения в малой социальной группе (семье), описание используемых коммуникантами средств и способов деструктивного речевого поведения позволит людям оптимизировать общение.

Источник

1. «Неадекватные люди» (к/ф, реж. Роман Каримов). — Режим доступа : http://onlinefilm-hd.com/load/dramy/neadekvatnye_ljudi_2010/8-1-0-4965.

Литература

1. *Апресян В. Ю.* Имплицитная агрессия в языке / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды Международной конференции «Диалог 2003». — Москва : Наука, 2003. — С. 32—35.
2. *Байкулова А. Н.* Речевое общение в семье : автореферат диссертации... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Н. Байкулова. — Саратов, 2006. — 21 с.
3. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди : психология человеческих взаимоотношений / Э. Берн. — Москва : Прогресс, 1988. — 400 с.
4. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. — Екатеринбург, 2001. — 320 с.
5. *Вдовина М. В.* Межпоколенный конфликт в современной российской семье / М. В. Вдовина // Социологические исследования. — 2009. — №1. — С. 102—104.

6. *Волкова Я. А.* Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте / Я. А. Волкова. — Волгоград : Перемена, 2014. — 304 с.
7. *Ермакова О. П.* Попытка типологии косвенных ответов / О. П. Ермакова // Русский язык сегодня. Вып. 5 : Проблемы речевого общения. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — С. 156—169.
8. *Занадворова А. В.* Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье) : автореферат диссертации... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Занадворова. — Москва, 2001. — 18 с.
9. *Капанадзе Л. А.* Семейный диалог и семейные номинации / Л. А. Капанадзе // Язык и личность. — Москва : Наука, 1989. — С. 100—105.
10. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : ЛКИ, 2008. — 288 с.
11. *Крысин Л. П.* О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) / Л. П. Крысин // Язык и личность. — Москва : Наука, 1989. — С. 78—86.
12. *Кукушкина Е. Ю.* «Домашний язык» в семье / Е. Ю. Кукушкина // Язык и личность. — Москва : Наука, 1989. — С. 96—100.
13. *Огородник С. И.* Особенности конфликтного поведения современных подростков / С. И. Огородник, Л. В. Лященко // Образование и воспитание. — 2016. — № 5. — С. 16—18.
14. *Рытникова Я. Т.* Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург : Арго, 1996. — С. 94—115.
15. *Седов К. Ф.* Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов // Международная Интернет-конференция «Диалог». — Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379>.
16. *Седов К. Ф.* Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре : сборник научных трудов. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2005. — С. 32—37.
17. *Седов К. Ф.* Ссора / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. — Москва : Лабиринт, 2007. — С. 259—268.
18. *Третьякова В. С.* Речевой конфликт и гармонизация общения / В. С. Третьякова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 287 с.
19. *Федосюк М. Ю.* Стиль ссоры / М. Ю. Федосюк // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 14—19.
20. *Щербинина Ю. В.* Русский язык : речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 224 с.
21. *Blum-Kulka Sh.* You Don't Touch Lettuce with Your Fingers : Parental Politeness in Family Discourse / Sh. Blum-Kulka // Journal-of-Pragmatics. — 1990. — № 14. — Pp. 259—288.
22. *Vuchinich S.* The sequential organization of closing in verbal family conflict / S. Vuchinich // Conflict talk / A. Grimshaw (Ed.). — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — Pp. 118—138.

Speech Conflict in Family Communication¹

© **Mikhaylova Olga Alekseyevna (2018)**, orcid.org/0000-0002-2386-7411, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), oamih@yandex.ru.

© **Mikhaylova Yuliya Nikolayevna (2018)**, orcid.org/0000-0002-5361-567X, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), jmkailova@yandex.ru.

The study was performed in line with the actual scientific areas of language conflictology and linguistic axiology. The article is devoted to the linguistic description of conflict situations in family communication by the material of the film "Inadequate people" (directed by Roman Karimov). The relevance of the study is due to the need to study communication in small social groups (in particular, in the family), as there is a high level of emotionality and intensity of communication, and it often becomes a conflictogenic factor. The text fragments representing speech conflicts between a teenager and adult relatives are analyzed. The markers of destructive communication and speech aggression in the communicative behaviour of adults (negatively charged language means and non-cooperative speech-behavioral tactics of condemnation, threat, coercion, etc.) and adolescents (high tone, insults, rude demand, disharmonizing strategy of discredit, tactics of "rudeness" and other). Special attention is paid to implicit speech aggression, which is embodied in irony, sarcasm, indirect issues. It is noted that using such techniques, the communicant expresses a negative or critical attitude towards the addressee. It is indicated that the intergenerational conflict is expressed in the deformation of interpersonal communication, in the failure of mechanisms of understanding between parents and children, in disagreements concerning moral and value orientations.

Key words: speech conflictology; speech aggression; family communication; language markers of conflict behaviour; implicit aggression.

Material resources

«Neadekvatnyye lyudi» (k/f, rezh. Roman Karimov). Available at: http://onlinefilm-hd.com/load/dramy/neadekvatnye_lyudi_2010/8-1-0-4965.

References

- Apresyan, V. Yu. (2003). Implitsitnaya agressiya v yazyke. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii*: Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2003». Moskva: Nauka. 32—35. (In Russ.).
- Baykulova, A. N. (2006). *Rechevoye obshcheniye v semye*: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01. Saratov. (In Russ.).
- Bern, E. (1988). *Igry, v kotoryye igrayut lyudi: psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnosheniy*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Blum-Kulka, Sh. (1990). You Don't Touch Lettuce with Your Fingers: Parental Politeness in Family Discourse. *Journal-of-Pragmatics*, 14: 259—288.

¹ The work is financially supported by RFBR within the scientific project № 18-012-00382/18 "Speech life of the family: axiological reality and research methods (by the material of the living speech of the Ural city)".

- Borisova, I. N. (2001). *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Ermakova, O. P. (2012). Popytka tipologii kosvennykh otvetov. In: *Russkiy yazyk segodnya, 5: Problemy rechevogo obshcheniya*. Moskva: Flinta: Nauka. 156—169. (In Russ.).
- Fedosyuk, M. Yu. (1993). Stil' ssory. *Russkaya rech'*, 5: 14—19. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi*. Moskva: LKI. (In Russ.).
- Kapanadze, L. A. (1989). Semeynyy dialog i semeynyye nominatsii. In: *Yazyk i lichnost'*. Moskva: Nauka. 100—105. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1989). O rechevom povedenii cheloveka v malykh sotsialnykh obshchestvakh (postanovka voprosa). In: *Yazyk i lichnost'*. Moskva: Nauka. 78—86. (In Russ.).
- Kukushkina, E. Yu. (1989). «Domashniy yazyk» v semye. In: *Yazyk i lichnost'*. Moskva: Nauka. 96—100. (In Russ.).
- Ogorodnik, S. I., Lyashchenko, L. V. 2016. Osobennosti konfliktного povedeniya sovremennykh podrostkov. *Obrazovaniye i vospitaniye*, 5: 16—18. (In Russ.).
- Rytnikova, Ya. T. (1996). Garmoniya i disgarmoniya v otkrytoy semeynoy beside. In: *Russkaya razgovornaya rech' kak yavleniye gorodskoy kultury*. Ekaterinburg: Argo. 94—115. (In Russ.).
- Sedov, K. F. Yazykovaya lichnost' v aspekte psikholingvisticheskoy konfliktologii. In: *Mezhdunarodnaya Internet-konferentsiya «Dialog»*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379>. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2005). Rehevaya agressiya v povsednevnoy kommunikatsii. In: *Rehevaya agressiya v sovremennoy kulture: sbornik nauchnykh trudov*. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. un-t. 32—37. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2007). Ssora. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya*. Moskva: Labirint. 259—268. (In Russ.).
- Shcherbinina, Yu. V. (2004). *Russkiy yazyk: rehevaya agressiya i puti yeye preodoleniya*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
- Tretyakova, V. S. (2002). *Rehevoy konflikt i garmonizatsiya obshcheniya*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).
- Vdovina, M. V. (2009). Mezhpokolennyy konflikt v sovremennoy rossiyskoy semye. *Sotsiologicheskiye issledovaniya, 1*: 102—104. (In Russ.).
- Volkova, Ya. A. (2014). *Destruktivnoye obshcheniye v kognitivno-diskursivnom aspekte*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
- Vuchinich, S. (1990). The sequential organization of closing in verbal family conflict. In: A. Grimshaw (ed.). *Conflict talk*. Cambridge: Cambridge University Press. 118—138.
- Zanadvorova, A. B. (2001). *Funktsionirovaniye russkogo yazyka v malykh sotsialnykh gruppakh (rehevoye obshcheniye v semye): avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01*. Moskva. (In Russ.).